

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. НАЧАЛО	7
2. ПОИСК И ОБНАРУЖЕНИЕ	25
3. ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПРОШЛОГО	48
4. ПОД ПОВЕРХНОСТЬЮ	80
5. КОНФЛИКТ И УРЕГУЛИРОВАНИЕ.	98
6. «ГОВОРЮ ВАМ, ВЫ ТАМ БЫЛИ»	125
7. ПАУТИНА	159
8. КРАСОТА СМЕРТИ	193
9. ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ	222
10. ПОСЛЕДНИЕ ВЗДОХИ	244
11. ПУСТОЙ СОСУД.	272
12. ЯДЫ	297
13. СЛЕДЫ	330
14. КОНЕЦ	361
БЛАГОДАРНОСТИ.	380

1

НАЧАЛО

Представьте на мгновение, что вы прогуливаетесь по зимнему лесу. Под ногами проминается земля. Вдруг вы что-то замечаете — нечто неуместное, совершенно неестественное в низине рядом с протоптанной тропинкой. Возможно, вы выгуливали собаку (именно так начинаются множество историй). Возможно, ваша собака бросилась в подлесок и заскулила. Вы пробираетесь сквозь заросли, испытывая зловещее предчувствие, и, посмотрев вниз, понимаете, почему... Потому что перед вами, там, где собака разрыла землю, обнажилась безжизненная человеческая рука, выделяющаяся своей бледностью на фоне черной земли.

Еще совсем недавно при изобличении виновника преступлений приходилось рассчитывать только на показания свидетелей или признание

обвиняемого. В недалеком прошлом из-за отсутствия каких-либо улик, позволяющих опознать жертву или связать ее с возможным подозреваемым, обнаруженное в такой неглубокой могиле тело навсегда могло остаться загадкой. Время, между тем, не стоит на месте, и развитие криминалистики набирает обороты.

Про отпечатки пальцев известно каждому, их удавалось обнаружить даже на доисторических гончарных изделиях. В древнем Китае и Ассирии отпечатками пальцев владельцы помечали свои глиняные артефакты, а позже их начали ставить и на документах. Во время работы в британской администрации в Индии с 1858 года сэр Уильям Гершель настаивал на том, чтобы помимо подписи на гражданско-правовых договорах непременно ставились и отпечатки пальцев. Дактилоскопический анализ прочно утвердился к концу XIX века: с 1882 года французский антрополог Альфонс Бертйон систематически собирал отпечатки пальцев на карточках в рамках своего научного исследования их различий у людей, а в 1891 году аргентинская полиция начала снимать отпечатки пальцев у преступников. Это направление стремительно развивалось, и в 1911 году американские суды признали отпечатки пальцев надежным способом идентификации людей. В 1980 году появилась первая компьютеризированная база данных отпечатков пальцев NAFIS (Национальная автоматизированная система идентификации по отпечаткам пальцев), которая широко использовалась в Великобритании и США.

В 1990-х в криминалистике происходит очередной прорыв: появляется исследование, позволяющее, подобно отпечаткам пальцев ранее, составлять уникальный ДНК-профиль любого человека, взяв у него образец крови, спермы, клеток тела или корней волос. Это новшество преобразует мир криминалистики, значительно облегчая идентификацию неопознанных жертв вроде нашего тела в зимнем лесу и установление связи человека с местом преступления. Можете не сомневаться, это были по-настоящему триумфальные моменты криминалистики. Благодаря новым достижениям убийцы, которые могли бы в противном случае остаться на свободе, попали за решетку. Насильники, которые продолжили бы свои злодеяния, были отправлены в тюрьму. Невинные люди, напротив, были оправданы за непричастность к преступлениям, за которые их несправедливо осудили. Шаг за шагом, периодически оступаясь, уголовный розыск постепенно приближался к истине.

На месте преступления не всегда удастся обнаружить отпечатки пальцев, особенно если его совершил знакомый с методами криминалистики человек, который был в перчатках и пытался замести следы. Точно так же и ДНК-экспертиза отнюдь не всемогуща или вездесуща, как думают многие люди. Преступник может и вовсе не оставить следов — никаких волос, крови или спермы, равно как и других физиологических жидкостей или тканей — и составить генетический профиль злоумышленника будет попросту невозможно.

Но... что, если был бы другой способ установления связи между людьми и местами преступлений, оправдания невиновных и изобличения виноватых? Что, если помимо отпечатков пальцев и ДНК оставались бы и другие следы, подтверждающие ту или иную версию событий? И эти следы были

**ИНОГДА ПРЕСТУПНИК
НЕ ОСТАВЛЯЕТ ЯВНЫХ
СЛЕДОВ — ВОЛОС, КРОВИ
ИЛИ СПЕРМЫ.**

бы настолько вездесущими, что даже самый осведомленный преступник не мог бы от них избавиться?

Снова представьте себя в том зимнем лесу. Пробираясь к телу сквозь заросли

и свисающие ветки, вы цепляетесь рукавом своей куртки за дуб, и на рукаве остаются микроскопические споры и пыльца, сохранившиеся в трещинках коры. Вы сползаете вниз, и к подошвам ботинок прилипают комочки почвы с частицами пыльцы и спорами, которыми эта земля была усыпана за последнее время, равно как и в прошлые годы. Кроме того, в этой земле содержатся всевозможные поселившиеся в ней живые существа, наряду с фрагментами их мертвых предшественников.

Вы присаживаетесь на корточки, чтобы рассмотреть находку, задевая ветки и листья над головой волосами, которые собирают на себя всю пыльцу, споры и другие микроскопические частицы. Вы запросто можете не заметить оставленные вами на ландшафте следы — отпечатки подошв, волосы и текстильные волокна. Но что насчет отпечатка, который ландшафт оставляет на вас? Что, если

кто-то сможет найти и идентифицировать эти микроскопические следы и составить картину места, руководствуясь его отпечатком на вашем теле и одежде?

Теперь представьте, что вы убийца. Какие следы местности, в которой оставили жертву, вы будете невольно носить на себе, куда бы ни пошли?

Именно тут в дело вступаю я, и моя собственная история пересекается с историей криминалистики. В 1994 году я была ландшафтным археологом в Университетском колледже Лондона. Затем все поменялось.

Вот уже почти 50 лет я изучаю мир растений, хотя на самом деле моя любовь к природе уходит корнями намного глубже. Еще будучи маленькой девочкой, сколько бы я ни читала о мире природы, мне неизменно хотелось знать больше. Мне хотелось понять все, и такая я по сей день. Это обескураживает, ведь вершины достичь невозможно. Это никому не под силу. Изнурительный подъем не прекращается никогда.

Большую часть своей профессиональной жизни я провела, сгорбившись над микроскопом, пытаюсь идентифицировать смеси палиноморфов — микроскопических частиц, включая пыльцу и грибные споры, — которые были окрашены красным, залиты желеобразным составом и размазаны по предметно-

ЕСТЬ ТАКИЕ МИКРОСКОПические следы, ОТ КОТОРЫХ НЕВОЗМОЖНО ИЗБАВИТЬСЯ, И ПО НИМ МОЖНО СОСТАВИТЬ КАРТИНУ МЕСТНОСТИ, ГДЕ ПРОИЗОШЛО ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

му стеклу. То, что я разглядываю, непосвященному может показаться лишь беспорядочным скоплением комочков и пятен всевозможных форм, однако для палинолога — специалиста, занимающегося изучением пыльцы и палиноморфов, — они представляют элементы природы во всем ее бескрайнем разнообразии.

Рассматривая пыльцевое зерно в мощный микроскоп, мало кто не восхитится странной и запутанной красотой микроскопического мира. У одних растений пыльцевые зерна похожи на испещренный крошечными отверстиями шар, у других напоми-

**ПЫЛЬЦЕВЫЕ ЗЕРНА
И СПОРЫ СЛУЖАТ ДЛЯ
МЕНЯ ПРИЗНАКАМИ ТОГО,
ЧТО ЧЕЛОВЕК НА САМОМ
ДЕЛЕ БЫЛ ВОВСЕ НЕ ТАМ,
ГДЕ ГОВОРИТ.**

нают по форме гантель с перфорированными в различной степени стенками. Помимо всевозможных сочетаний отверстий и бороздок, которые могут быть разных форм и размеров, на поверхности пыльцевых зерен могут присутствовать

замысловатые выступы в виде вихрей, полосок, складок или сети крошечных колонн. Могут быть и простые бугорки, как гладкие, так и со своими собственными шипами. По таким деталям мы идентифицируем и классифицируем эти микроскопические частицы, образовавшиеся в шишках хвойных деревьев или пыльниках цветкового растения.

Эти крошечные, удивительные пыльцевые зерна, столь необходимые для продолжения рода, могут вызвать у вас восхищение. Возможно, вас

даже увлечет за собой какая-нибудь романтическая фантазия. Я же, к превеликому огорчению моего очень романтического мужа, в этом плане более прагматичная и приземленная. Я горжусь, что «вижу все так как оно есть», и при интерпретации того, что я наблюдаю, пытаюсь избавиться от всяких когнитивных искажений. А все потому, что в моей профессии эти пыльцевые зерна и споры представляют собой гораздо большее, чем просто стадию жизненного цикла растения или гриба. Для меня они служат основой историй, которые я распутываю для полиции. Они являются верными признаками того, что человек на самом деле был вовсе не там, где говорит. Они шепчут мне, что он лжет или искажает правду. Это нити, которые, переплетаясь, могут дать разумное объяснение тому, что, где и как произошло и кто в этом участвовал. Моя задача заключается в том, чтобы считать и предоставить возможные варианты событий совершенного преступления, рассказанные мне пыльцой, грибами, лишайниками и микроорганизмами, попытаться сложить воедино факты, полученные из мира природы.

В моей профессии важна точность, однако отличить отдельные пыльцевые зерна или споры может оказаться крайне трудоемкой задачей. Мы всегда стремимся к точности, и при любых сомнениях очень важно использовать образцы правильно идентифицированных растений. Наши ошибки могут привести к несправедливому лишению или сохранению свободы, и множество часов моей жиз-

ни были посвящены изучению микроскопических деталей в попытке отличить одно пыльцевое зерно от другого. Все далеко не просто.

У представителей древнего семейства розовых на пыльцевых зернах неизбежно имеется три бороздки и три поры, а поверхность усеяна полосатыми завитками. Узор, присущий одному виду, может появиться и у другого, поэтому сложно сказать наверняка, имеете ли вы дело с черной смородиной, розой или боярышником, хотя эту группу довольно легко отделить от той, которая включает терновник, сливу и вишню, где полосатые завитки выражены более отчетливо. Преступление могло быть совершено в вишневом саду, однако вы никогда не сможете, положив руку на сердце, утверждать, что пыльца, которую вы рассматриваете в микроскоп, действительно с вишневого дерева, так как отличий от, скажем, терновника слишком мало. У спор низших растений, таких как мох, может быть еще меньше принципиальных отличительных признаков. У растений, появившихся позже, таких как папоротниковые и их родственники, отличительных признаков больше, чем у мхов, однако меньше, чем у хвойных. В свою очередь, у хвойных их меньше, чем у цветковых растений. Это запутанный мир с почти бесконечным числом вариаций, однако нам все-таки нужно как-то в нем разбираться.

Велика вероятность, что вы никогда не встречали представителей моей профессии, а то и вовсе о ней не слышали. Сорок лет назад ее попросту не существовало. В большинстве стран мира она

отсутствует и по сей день. Хотя порой называют и по-другому (в голову, например, сразу приходит прозвище «сопливая дама», данное в честь разработанного мной метода извлечения пыльцевых зерен из носовых полостей трупов), прежде всего я считаю себя экологом-криминалистом, человеком, использующим и интерпретирующим различные компоненты мира природы, чтобы помогать детективам в расследовании преступлений. Когда обнаруживают тела, закопанные в неглубокой лесной могиле, мумифицированные в подвале для угля в пригородном доме или выловленные из заболоченной реки, вызывают меня, чтобы я изучила природное окружение и попыталась помочь разобраться, что именно могло произойти в эти злосчастные дни перед смертью людей. Когда убийцы признаются в совершенных преступлениях, но в деле отсутствует тело, я изучаю следы, оставленные миром природы на одежде преступника, его обуви, инструментах, машине, чтобы найти, где тело жертвы было закопано или же просто небрежно сброшено в попытке скрыть его. Когда происходят нападения или изнасилования, мне поручают разобраться, как красноречивые следы пыльцы, грибных спор, почвы, микроорганизмов и прочих природных элементов могут помочь нам указать на вину или невиновность, связав жертву или подозреваемого с той или иной мест-

СКОРЕЕ ВСЕГО, ВЫ НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МОЕЙ ПРОФЕССИИ, А ТО И ВОВСЕ О НЕЙ НЕ СЛЫШАЛИ.